

УДК 94(3)

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
И «АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ» СТУДЕНТОВ**

**THE INTELLECTUAL CENTERS OF LATE ANTIQUITY
AND «ACADEMIC MOBILITY» OF STUDENTS**

А.М. Болгова

A.M. Bolgova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Bolgova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Ранняя Византия, поздняя античность, образование, школы, студенты, интеллектуальные центры, академическая мобильность.

Key words: Early Byzantine Empire, Late Antiquity, education, school, students, intellectual centers, academic mobility.

Аннотация: В данной работе предпринимается попытка представить картину роли ведущих интеллектуальных и образовательных центров Ранней Византии в связи с выбором студентами высших школ и учителей для своего обучения. Отсюда проистекает проблема «академической мобильности», то есть смены школы и города обучения в связи с различными причинами. Основными причинами рассматриваемого явления были поиски оптимальной образовательной программы, а также, по античной традиции, выбор личности учителя. Используемые в работе термины, связанные с образованием (школа, учитель, студент, академическая мобильность), даны в современном значении, их применение к позднеантичным реалиям отчасти условно.

Resume. In this paper an attempt is made to present a picture of the role of the leading intellectual and educational centers of the Early Byzantine Empire in connection with the selection of high school students and teachers for their education. Hence the problem of "academic mobility", or the change of the school and the city of education due to various reasons. The main causes of this phenomenon have been searching for an optimal educational program, as well as for the ancient tradition, the choice of the individual teacher. Used in the terms related to education (school, teacher, student, academic mobility), are in the modern sense, their application to the realities of the Late Antiquity is partly suspended.

В период поздней античности (IV – 1 пол. VII вв.) в Восточном Средиземноморье происходила постепенная трансформация античного мира в византийский, раннесредневековый. Важнейшим звеном процесса континуитета становится античная школа, классическое образование. Христианство в этой сфере не смогло предложить ничего нового. Богословские школы остались узко специальными. Массовая грамотность по-прежнему обеспечивалась светскими (а порой и языческими) учителями-грамматиками. Высшая школа поздней античности включала в себя «профили» – риторический и философский, помимо специальных школ – юридических, медицинских, и т.д. По-прежнему античным оставался принцип организации школы вокруг учителя-схоларха, обраставшего помощниками, а затем и кафедрами.

Эволюция высшей риторической школы – наиболее массовой и востребованной модели «высшего образования» в данный период может быть прослежена от школы Либания в Антиохии (сер. IV в.), до Газской риторической христианской школы (VI в.).

В мировой историографии имеются отдельные исследования по истории «высших школ». Значительно меньше работ о «студентах» поздней античности. Аутентичного термина для обозначения этой социальной группы, который был бы общепринят в современной науке, не существует. Поэтому, с учетом условности и определенной модернизации, мы будем использовать современный термин для обозначения всех

категорий учащихся, слушателей, воспитанников учителей позднеантичной высшей школы - студенты. Это же касается и других терминов, связанных со сферой образования.

Пожалуй, лишь два автора могут в последнее время считаться имеющими отношение к разработке проблем истории студентов в Ранней Византии. Это Раффаэла Крибиоре¹, изучавшая различные аспекты истории школы Либания, и Эдвард Уоттс, изучавший Афинскую и Александрийскую философские школы, а также ряд других проблем истории образования в поздней античности. Собственно проблему «мобильности» студентов в Ранней Византии сформулировали лишь Эдвард Уоттс² и Скотт Брэдбери³.

Источниками по проблеме служит обширный эпистолярный Либания, сочинения Отцов церкви, учившихся в высших школах поздней античности, труды представителей Газской школы и др.

Диалог видного деятеля Газской школы начала VI в. Энея Газского «Феофраст», имеющий христианское содержание, но облеченный в классические формы, начинается со случайной встречи двух школьных товарищей – Евксифея и Эгипта, в Александрийском порту. Оба они изучали философию в Александрии, пока Евксифей не решил возвратиться в родную Сирию. Несмотря на сложившиеся в городе связи, Евксифей не планирует вернуться в Александрию. Он лишь ожидает в порту окончания бурного шторма, помешавшего ему отправиться из Сирии в Афины. Цель его путешествия – стремление усовершенствовать свои знания в области философии. Хотя Евксифей уже ранее получил определенную философскую подготовку, он считал свое образование неполным. По его мнению, он мог бы сложиться как философ полностью, только если он будет обучаться в Афинах. Как Евксифею, так и значительной части читательской аудитории Энея Газского было очевидно, что Афины имеют репутацию величайшего интеллектуального центра в Восточном Средиземноморье. Это было действительно наилучшее место для самого основательного погружения в идеи как древних, так и современных мыслителей. Для таких интеллектуалов, как Евксифей, поездка в Афинские школы наиболее существенной частью философского образования.

Вид путешествия, которое предпринял Евксифей, был типичным для Поздней античности. Тогда, как и теперь, слава известнейших образовательных центров была главной причиной того, что множество студентов предпринимали длительные путешествия, чтобы посетить лучшие из существовавших школ.

Многие поддавали под влияние наиболее авторитетной Афинской школы, как юный Либаний. Когда Либаний достиг юношеского возраста, Ясон, его друг из Каппадокии, соблазнял его рассказами об афинских учителях, их риторическом мастерстве, и об их школах (Lib. Or. I, 11). Либанию пришлось достаточно долго слушать эти рассказы, пока он не смог сам отправиться в Афины на учебу⁴. Впоследствии, оглядываясь назад, на это время своей жизни, Либаний писал: «Я думаю, что подобно Одиссею, я должен был вступить в прошлом брак с богиней, чтобы увидеть дым Афин» (Or. I, 12). Образ школы, который охватывал Либания в отрочестве, не покинул его и в 22 года: он подтолкнул его предпринять путешествие в Афины. Подобно Евксифею, Либаний не мог сопротивляться пленительному образу Афинской школы.

Таким же образом юные студенты вливались в известные интеллектуальные центры; выпускники прежних лет ведущих школ путешествовали в иные места этой культуры, желая посетить другие школы. Поездки в школы, кроме того, играли важную роль в сборе студентов в интеллектуальные центры и в сохранении их связей с этими центрами после того, как они их покидали. Понятно, что интеллектуальные центры обладали определенной привлекательностью. Однако, в античности, как и ныне, школы

¹ Cribiore R. The school of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007.

² Watts, Edward. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / Eds. L. Ellis, F.L. Kidner. Aldershot / Burlington, 2004. P. 13-23 (XIX, 164 p.).

³ Bradbury, Scott. Libanius' Letters as Evidence for Travel and Epistolary Networks among Greek Elites in the Fourth Century // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / Eds. L. Ellis, F.L. Kidner. Aldershot / Burlington, 2004. P. 73-80.

⁴ Позднее Либаний вспоминал (Or. I, 11), что «от этих историй определенное желание (попасть) в эту страну (Афины) охватило мою душу».

и образовательные центры были как более престижными и «модными», так и менее. Обычно имел место длительный процесс их развития. Когда интеллектуальный центр становился целью студенческих путешествий, он располагался обычно в крупном городе или около густонаселенных мест. Индивидуальные истории типа Либания показывают, что крупный город уже хорошо установился в качестве цели студенческих путешествий.

Причины, заставлявшие иногородних студентов путешествовать в основные школьные центры в позднеантичном мире, до некоторой степени возможно объяснить. Сохранились источники, дающие различные типы свидетельств о том, что все эти путешествия были не случайны. В поздней античности было много случаев, когда группы студентов из одного региона империи тянулись к одному и тому же интеллектуальному центру на протяжении определенного времени. Такие группы студентов формировались весьма быстро, существовали несколько десятилетий, а затем со временем рассыпались через несколько поколений студентов из данного региона, прошедших через этот город.

Есть множество примеров такого рода. Из них видно, что группы каппадокийцев составляли школу их земляка Юлиана и его преемника Проэресия в Афинах в IV в.⁵ Также множество уроженцев Газы можно обнаружить в Александрии в последние десятилетия V в.⁶ Несомненно, лучше всего известной и наиболее ясно документированной студенческой «миграцией» является движение александрийских язычников в Афинскую неоплатоническую школу Плутарха, Сириана и Прокла в V в. Коллекция свидетельств, относящихся к этим студентам и их поездкам делает возможным объяснить, как интеллектуальные центры привлекали такое большое количество студентов из одного региона, и кто из студентов, в конечном счете, там оседал, проделав множество поездок.

«Миграции» александрийских студентов-философов в школу Плутарха начинаются около 400 г., когда Сириан, член александрийской семьи с хорошими связями, поехал в Афины учиться у Плутарха.⁷ Немного времени спустя за ним последовал его земляк Гиерокл. Давая наше современное понимание александрийской интеллектуальной жизни того времени, может оказаться неожиданным найти двух александрийских студентов желающими учиться вне этого города во времена, когда Гипатия имела свой наивысший авторитет. В VII книге «О Провидении» Гиерокла автор дает маленькое упоминание о том, кто совершает путешествия в школу Плутарха в то время.⁸ Он пишет: «Доктрине, которой обучали Аммоний, Плотин и Ориген, также следовали Порфирий и Ямвлих. Они и их ученики все были частью священного народа. Истинно во время Плутарха, что один из моих учителей и обучил меня этой доктрине. Все эти люди были в дополнение к философии Платона и прославили учение в его чистом состоянии».

⁵ Один из центров притяжения каппадокийцев в середине IV в. устанавливается по письмам Григория Назианзина. Они рассказывают о четырех каппадокийцах (о нем самом, о Василии Кесарийском, Евстохии и Стагире), которые обучались в Афинах в течение последних лет тамошней карьеры Проэресия. Давая их предшественнику Юлиану с их регионом, становится неожиданно, что Проэресий не привлек этих студентов отсюда вместе. Хотя он целенаправленно не говорит о географическом происхождении студентов Проэресия, Евнапий подтверждает, что Проэресий предпочитал привлекать наиболее сильно из всех регионов студентов из Каппадокии. Евнапий установил, что Проэресий набирал студентов из Понта, Карики, Ликии, Лидии и соседних с ними регионов (Vit. Sophist. 487). Каппадокия безусловно подходит под это описание.

⁶ Нам известны два газийца, которые обучались в Александрии в конце V в. Эти двое (Эней Газский и Захария Схоластик), однако, ограничивают количество подтверждений того, что газская интеллектуальная жизнь в конце V – начале VI вв. сильно зависела от сообщества ученых в Александрии. Один из высших пунктов карьеры Прокопия Газского был риторский венец, который он выиграл в Александрии (Proc. Gaz. Ep. 48, 96) и, несмотря на это, он также встречает газийца по имени Диодор. В дополнение, как Эней, так и Захария пишут диалоги («Феофраст» и «Аммоний»), которые были созданы в Александрии, представляют александрийские характеры, и показывают философские идеи, характерные для Александрийских школ того времени. Кроме того, александрийцы, подобные Гессию, заполняют их переписку (Aen. Ep. 19-20; Proc. Ep. 16, 102, 125, 164). Студенческие поездки между Газой и Александрией не особенно известны из наших источников, но отдельные интимные связи между интеллектуальными сообществами двух городов сильно укреплялись тем, что Эней и Захария были не только двумя газийцами, путешествовавшими в Александрию в то время.

⁷ Дата устанавливается по 136 письму Синезия (ок. 410 г.), когда Сириан занимал уже ведущие позиции в школе Плутарха. Вывод основывается на хронологии Алана Кэмерона (Barbarians and politics... p. 409-411).

⁸ Фотий. Библиотека. 214. 173а. В этом контексте замечено, что Дамаский оценивает Гипатию как «математика» вместо «философа» в Vita Isidori, fr. 106f (Damascius. The Philosophical History / Ed. P. Anastassiadi. Athens: Apamea, 1999). См. Epit. 164 (Vitae Isidori Reliquiae / Ed. C. Zintzen. Hildesheim: G. Olms, 1967).

Гипатия и ее последователи явно отсутствовали в списке божественного народа Гиерокла. Причины этого были ясны. Тип философии, который она практиковала, был доктринально отличен от идей Ямвлиха.⁹ Такие люди как Гиерокл, пренебрегали цепью платоновских интерпретаций, предлагаемых ее учителями как нечистое и неистинное в объяснении подлинных философских оснований.¹⁰

Гиерокл не был единственным александрийцем, который покинул дом, потому что он нашел доктрины, касавшиеся александрийских учителей, нечистыми. Почти 20 лет спустя Прокл совершит подобное путешествие из Александрии в школу Плутарха по сходной причине. Об этом пишет в его биографии Марин (*Vita Procli*, 10). Прокл не жил в Афинах, потому что не имел навыков мастерства среди александрийских философов. Он оставил город, потому что его учителя были несклонны или неспособны учить истинному (для него) смыслу текстов. Прокл знал, что приемлемая для него истина сохранена только Плутархом в Афинах.

Школа Плутарха также заслужила великую репутацию, благодаря своему руководителю. Например, Гиерокл отводил Плутарху место наиболее влиятельного мыслителя в истории. Прокл разделял это мнение. Он даже призывал одного из своих студентов приехать в Афины и работать в неоплатонической школе в знак благодарности и памяти Платона, Ямвлиха и Плутарха. В глазах его последователей Плутарх находился в обществе наиболее уважаемых его сверстников.

Таким образом, в Ранней Византии имела место весьма развитая «академическая мобильность» студентов. Они искали по всей империи подходящие для них школы, идеи и учителей. Этот процесс происходил исключительно в частном порядке и никак не регулировался властями различных уровней. Таким образом, это явление проистекает из характера античной школы, но расцветает именно в позднеантичное время в связи с подъемом интеллектуальной жизни и сложными процессами культурного континуитета.

---

⁹ Из-за полного отсутствия философских сочинений Гипатии можно привести только один факт ее интереса к идеям Ямвлиха, проистекающий из трудов ее студента Синезия. Далее. Говорят, что труды Синезия полностью не имеют упоминаний о Ямвлихе и его идеях. Его цитаты включают 126 упоминаний Платона, 20 Аристотеля, 9 Плотина, 3 Порфирия, и ничего из Ямвлиха (*Fitzgerald A. The Letters of Synesius. Oxford: CUP, 1926. P. 16*). Есть, конечно, совершенное различие между ссылками на Плутарха и Ямвлиха у Гиерокла.

¹⁰ Интерес, который показывает Гиерокл к неоплатонической философии в сочинении «О Провидении», не уникален. Лучшая иллюстрация этого тренда может быть найдена у Дамаския в дискуссии о Господине.